

Каролина Мунас

Ради тебя я вскрою реальность

16+

Каролина Мунас

Ради тебя я вскрою реальность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67676240

SelfPub; 2022

Аннотация

Пять лет назад мы не смогли быть вместе. Случайность, обида, молодость. Но я знаю, он тоже все еще любит меня. В этой или другой реальности...

P.S. Основано на реальных событиях.

Каролина Мунас

Ради тебя я вскрою реальность

Шар в небе, жареный сахар, теплый дождь летом, шкура шиншиллы. Десертная вишня в коньяке, блестящая монета на дне фонтана. Ворсистый воротник теплой кофты, мятный леденец во рту во время поцелуя. Громкие слова, сказанные тихо. Салют в небе, и вы вдвоем после долгого праздника. Открыть окно, въезжая в мегаполис вечером. Притвориться в нем своей, хотя ты из далекой глубинки. Мне казалось, все это я проживаю, когда иду до парка в надежде встретить его.

Мне говорили: такое проходит. Прошло пять лет, и стаей рыбок, бегущей строкой я вижу в карих глазах эту фразу. Самый распространенный цвет глаз – сколько незнакомцев я вижу с ним. А если это тот же лисий разрез, та же радужка с медовым оттенком, все это затягивает на дно и становится опасным.

От цыганки надо было бежать, а я не могла пошевелиться. У нее были такие глаза. Хитрые, завлакивающие. Конечно, она обшарила меня с головы до ног и думала, я в трансе, но

это гораздо хуже.

Я была так близко к пропасти и держалась за травинку, чтобы не упасть в нее. Но я справилась. Как к подарку теперь отношусь я, когда вижу его глаза у случайного человека, фотографию души, которую я так и не узнала. Я забыла его. Но иногда фантазия вновь и вновь возвращает меня к прошлому. Дорисовывает то, что осталось без проникновенной концовки.

Ведь тогда на остановке он мог не смутиться и поцеловать меня. Да, странно это на первой же прогулке, но ведь мы тогда думали, что впереди их у нас тысячи. Ты предложил кофе, и я согласилась. С тех пор бордюр, на котором я ждала тебя, священный. Мы стали одного роста, на одном уровне губ и ты кусал свои от того, что не мог поцеловать меня. Ведь это как молния. Все резко и внезапно как в фильмах, но в жизни как-то не принято тут же давать страсти волю, вскрывать карты – мешает влюбленность. Ведь это не миг, мы оба знали, что жаждем вечности. Оба боялись допустить ошибку и от напряжения заламывали в карманах пальцы. Помню, как слышала хруст и старалась улыбнуться в сторону. Это было чертовски мило. Я видела, что он влюблен и не знает, что делать с этим. И очень льстила мысль, что с ним такое впервые, что я первая, к кому он испытал подобное. Как бы это поразило наше окружение... Может это одна из причин,

почему я не могу забыть его?

Вчера он объявился. Снова заинтересовался мной, хотя до этого годами не смотрел мои сторис. Он подписался, и сердце дрогнуло.

"Он недавно расстался с девушкой", – сказала подруга как бы невзначай, и я тут же вытягиваю подробности. Постепенно, плавно, словно рыбак леща на тонкой леске. Я чуть не зеваю, а у самой дрожит сердце как проклятое. Оно ничего не забыло. Каждую секунду ждало, что он напишет, лайкнет, или судьба сведет нас на улице, заставит наконец поговорить друг с другом.

Я снова рыскаю взглядом в поиске высокой фигуры на улице. Я знала, где он живет, и увидев, как часто он в красной майке в сторис, поджидала его часами, ходя кругом, оборачиваясь на этот цвет как бык, норовясь броситься в атаку.

Уже и не помню, как доходила до парка. Бывало, в ватных ногах пробуждалась энергия, и тогда я не владела ими. Я прохаживалась в уединенных местах в надежде, что он будет один. Хотя бывает ли он один? Я каждый раз так надеялась на это.

Уверена, что если мы и были рядом, шли навстречу, ка-

кая-то нелепая случайность продолжала разъединять нас. Так всегда, когда изнываешь, очень хочешь.

Конечно, мы не встретились ни разу. Ни разу он не написал мне. Я поняла, что напрасно разожгла сердце, убила смирение, которое наращивала в себе годами. В отчаянии я проверяла директ, и если мы оба были в сети, смотрела на его иконку, мысленно вынуждая написать мне, а сама еле сдерживалась. Иногда пальцы сами набирали текст в заметках, но я тут же удаляла его. Боялась, что не смогу сдержаться и отправлю.

Не вижу снов. Дни пусты как описания в развязке романа, и хочется так же пролистнуть их. Я жду ответа, завтрашнего дня. Я поняла, о чем поет Цой. Как раз конец лета...

Тишина, и я живу дальше. Отгоняю фантазии. И вот я увидела его. Сажу в автобусе, глядя перед собой. Случайно поворачиваю голову – красный, и благоразумие тут же вскидывает вверх руки. Как всегда прямая спина, шаг с выпирающим коленом. Я выбегаю и бегу. Бегу, проклиная лишние метры, упущенное время. Я бегу, не заготовив речи, обратно, вниз по улице, отмахиваясь от спутанных волос и дымного ветра. Шнурок развязывается, уже готовится выдать мое волнение. Он бьется об землю, из стороны в сторону, стано-

вится жертвой во имя времени и копит на себе грязь и пыль пространства, всего что попадет под туго сплетенные нити.

И мы оба вертимся из стороны в сторону, оба ищем его, но воссоединение все никак не происходит. Ну что ж, умирать, так с песней. Искать его, так повсюду, крутя головой, смотря прямо, за углы, на противоположную улицу, срываясь на красный, замедляя шаг, но все равно сканируя толпу как ищейка, в надежде найти наркотик, унять ломку.

Что ж, я знала, где он живет. "Послушай, не стоит", – сказала я себе, когда начала звонить в квартиры. Я очень, очень хотела уйти, но ведь понимала, что в этой войне я проиграю. Не сейчас, так ночью, когда не смогу уснуть, буду ворочаться и наконец добегу до его дома, буду ломиться во все двери, очень желая и при этом боясь, что он откроет мне.

Но я ждала так долго, что мне было плевать на исход. Я оглядела каждый угол, и я точно уверена, что мы должны были встретиться. Но этого не случилось. Я снова дома, и здесь все как прежде. Словно ничего не изменилось, и я еще жду чего-то. Стоя в бликах солнца, в остатках дня, я почти осязаю шелест умерших надежд в ней. Их эхо повисло в этих стенах, и крики детей с улицы делают его еще отчетливее. Они так радостны, задорны, и воробьи все чирикают, верещат в такт им. Будут чирикать и завтра, и завтра дети будут

раздавать в своих играх роли. Я услышу все, что происходит за окном, ведь в моей комнате будет по-прежнему тихо.

Одеяло не согревает. Повсюду холод, и горячая чашка лишь слегка греет руки. Я не могу закрыть окно, тогда станет тихо. Погаснет жизнь, и зацепиться сердцу станет не за что.

-Но надо жить,— закрываю я форточку. Сочность сладкой клубники в десерте, под ней нежный крем открывают сердцу новый мир, ведь радость можно найти в другом. И кто-то скажет: "Но ведь можно иначе", но я откину это. Я затопчу это. Я буду стараться не замечать, как май перекрывает кислород ностальгией, как каждый год врывается в память ушедшее. Но как справится с этим? Ведь то, как ты пылал и волновался, май бережно хранит в каждом своем дыхании.

Никто. Никто не видел такого моря. Такого ветра, подпрыгивающих волн на нем. Голубой воды, не таящей угрозы. Гладкой соли, греющей кожу. Солнца нигде не видно, и в небе лишь отражение моря и никак наоборот, никак иначе.

Казалось бы, я должна утонуть, отдаться течению, которое съест меня. По сторонам разбрасывает камни и водоросли. Рыбы, как могут, виляют хвостом, лишь бы доплыть к ко-

раллам. Но куда плыть мне? Вокруг лишь омут, и свирепая буря делит все на части. Все, а меня не видит. По мне она лишь ласково проводит волнами, и я нежусь в хаосе, любя все вокруг, эту легкость в теле. Я думала, вечно буду плыть, но ноги коснулись дна, песчанной поверхности, и волны сошли с нее. Это берег. Здесь механизмы от часов, какие-то рычаги и шестеренки, много цветных камней, блестящих на солнце, но его на небе нет, я точно это вижу. Любопытство тут же склоняет меня вниз перебирать эти стекляшки. Я замечаю между ними подвески, какие-то ключи и золотые узоры. Они такие легкие. Все это как-будто часть украшений. Не из этого мира, из другого.

Я трогаю себя, щипаю, пытаюсь не дышать, и это не выходит дольше, чем обычно. Я здесь, все осознаю, и это наяву. И словно нет на мне одежды, нет обуви. Ветер касается кожи так свободно, хотя я вижу на себе легкий свитер и брюки. Я вроде в ботинках, но чувствую тепло камней пятками. Я чувствую ветер, и резкое касание выводит меня из покоя.

-Ну как не любить тебя?

Он прижимается к шее. Невероятно, как похоже на шум волн его дыхание. Я слушаю его, не смея перебить своим. Море слилось со мной. Это все одно. Дрожание глади и решительные всплески о камни, что разбивают ее, но без них

невозможно звучать новой песней. И все, что я могу, это просто чувствовать. Секвойя, кедр, запах опаленной плоти, розы. Я все хочу обернуться, но боюсь прервать химию взглядом. Не увидеть там трепета и блеска, страха, что я исчезну прямо сейчас и он тоже. Почему я касаюсь его так же, как ноги песчанного дна? Почему он шепчет что-то, а уши забивает лишь шум крови, когда его пальцы касаются губ. И все, что я слышу: "Прошло столько лет", и я киваю. Киваю и жадно целую его белую кожу, потому что я тоже не знаю, что делать с этим чувством, зачем оно дано, если нет для нас плана?

-Обернись же.

Они все те же. Нет, добрее. Светлые волосы колышет ветер, напоминая, что что-то есть кроме темных глаз, кроме катода и анода в пальцах. Он полностью в белом. В песке не испачкались сандалии. На мягких пальцах ни песчинки, и лишь слегка бликует на коже солнце.

-Поцелуй меня, – шепчет он, и я наконец делаю это. Я центр мира, и слышу, как бегут по лужам дети, как бьются бокалы за успех, и роса стекает по травинке в землю. Я – полный баланс, потому что энергия нашла себе выход, нашла другую, которая поглотит ее. Я чуть не падаю. На его руках вздуваются вены, он держит меня и смеется. Мы оба падаем.

—Уже был такой день, помнишь?

Он кивает.

—Самое ужасное, что ты хотела того же. Мы оба хотели одного и думали...

—Что это без повода. Что мы спешим и сделаем что-то, за что потом пристыдим друг друга.

— Да... да. Щеки покрылись пытышками. Красными, они быстро слились воедино. Он поднял меня и куда-то понес. Наверное, чтобы я не смотрела на них слишком долго.

—Я все помню. Ты хочешь поговорить, как есть?

— Ну конечно, — говорю я и вскоре не вижу моря. Дверь вырастает из ниоткуда, захлопывается, и стрелки часов сбивают ритм с верхней полки. Где мы?

— У меня дома.

Стены завешаны вырезками. Потрепанными сюрреалистичными картинками. Яркий глаз в банке, самолет без крыльев, и воздушные шары уже готовы взять его под свою опеку. Страницы из книг, ну надо же, даже странно представить его за чтением. А между тем, все полки в книгах, тяжелых старых переплетах. На столе свитера, плетеные узоры и множество фотографий. Он тут же подводит меня, чтобы разглядеть их. Локон падает ему на лицо. Он осторожно убирает его и все не сводит с меня взгляда. Ждет реакцию, но я не знаю, что ответить.

На фотографиях мы, такие счастливые. Всегда рядом.

Всегда касаемся друг друга, и лишь на одной смотрим не на друг друга, а в книги. Они словно с его полки, такие же ветхие. Буквы отсвечивают, но разобрать можно: "Мастер и Маргарита", "Мост в Терабитию". Переплеты выглядят куда старше, чем эти истории. Мы так вдумчиво склонились над ними, сидя где-то на фоне сосен. В какой-то беседке, где по деревянным ставням стекают капли, и все вокруг от них сияет. Наши кожаные куртки тоже попали под дождь, вся одежда мокрая, и почему-то лишь книги не блестят от влаги. Где это могло быть? А это? Когда мы могли оказаться в горах и есть лепешки, укутавшись в пледы? На мне висит его одежда, и пока я улыбаюсь, он нежно поправляет складки. Пьет чай, пытаюсь согреться. Почему я не обнимаю его?

– Можешь взять себе, какая больше нравится, – наконец шепчет он, налив нам чаю.

– Но когда это было?

– В другой реальности. Очень далекой. – Что? Так она не одна?

Он с грустью кивает и отходит к окну. Я помню эту позу. Эти заложенные за спину руки, прижатые к телу локти. Сколько раз я думала, что это он, когда видела медовые волосы у кого-то в городе. А теперь он со мной, и я могу прикоснуться к ним.

– Ты не представляешь, как тяжело мне было. Я ждал тебя, но думал, это напрасно. И знаешь, грела мысль, что где-то

мы можем быть счастливы, в какой-то из этих необъятных реальностей.

Он взял из моих рук снимок.

– Мне этот тоже нравится. Знаешь, как это было? В тот день твой парень не приехал, и мы пошли гулять по набережной. Там был наш первый поцелуй.

От досады я ударила себя по коленке. Я же знала, что так бы оно и было, будь с нами в тот день чуть больше удачи, смелости, мы бы потом не страдали.

– Да, и мне чертовски обидно. Пойдем прогуляемся.

Закат здесь как пламя. Бордовый, розовый сквозят над желтым и теперь я вижу солнце над их слиянием. Он говорил, мы можем все, мы можем быть вместе.

– Тебе же нравится это место?

Ну конечно. Когда он показал мне, что за пределами этого берега, я была уверена, что умерла, попала в рай. Но ничего этого не случилось. Я проснулась.

Тромбон – это голос из тишины. Резкое торможение на полном ходу жизни. Подумай, говорит он, порассуждай о своей реальности. Но зачем, если вслед за ним скрипка тут же найдет в душе нужные струны. Она теребит их до боли, распознает ржавчину и глушит. Должно быть, поэтому я так

люблю ходить сюда одной. Не терплю людей рядом. Маргариту я ставлю ровно в центр стола и кладу на него локти. Со стеклом играет свет, и, пока играют инструменты, я не могу отделаться от предчувствия, что в последний раз сию одну здесь. Такого больше не будет.

–Ты пришла.

Он еще красивее. Габардиновый пиджак выглажен ровно по швам, и шелковая рубашка отсвечивает оттенком слоновой кости. Его руки гладят меня вдоль плеч, и они пропитываются током. Этот джентльмен прислоняется к моей спине, открытой полностью, как часто бывает в фильмах. Тепло его пальцев как бархат. Я нужна ему. Нужна мужчине, ради которого я вскрываю к чертям эту реальность. Я говорю, ущипни меня, и он щипает, и все как в тот раз. Я прочно остаюсь с ним в этой реальности.

Мы едем на концерт. Везде со мной шлейф накаленной чувственности. Когда мы садимся за столик, садимся у красной лампы из шероховатого стекла, все начинается повествованием скрипки. Здесь замерли тени. Не видно людей дальше света лампы. Видно сцену, и мы смотрим туда, переглядываясь на драматичных проигрышах. Тогда рождается тишина, после которой рождались звезды. Это момент, похожий на слияние красного вина с кровью. По-настояще-

му страстный. Такая тишина в музеях у картин Ренессанса. Это трепет перед великим. Это сила, неподвластная времени. Это момент, стоящий жизни, сотни дней, когда солнце просто садилось, обогнув небо. Это вообще не жизнь, а что-то вечное, что-то на другой стороне ее, там, где восход смерти. Что-то переносит меня туда вновь и вновь, оставляя надеяться, что кто-то оплачивает расходы на топливо. Мне наконец-то ударила сладость в голову, и в своем онемении я была просто счастлива.

Я уснула так быстро, что толком не продумала, где мы будем сегодня. Это было в каком-то доме. Мы лежали меж погнутых очков, пуговиц, прозрачных бусин и осколков фарфоровых кукол. Я гладила его волосы, и он отрывисто, с предыханием говорил, что ждал, все эти пять лет ждал меня. Когда солнечный зайчик заиграл на стенах, я увидела на ней обрывки газетных

статей, фотографий, куски обоев с рисунками домов. На них сквозь сливовые ветви колыхался на ветру дым, намалеванный акварельными красками.

Его карие глаза со смешинками смотрели на меня, но смешно мне не было. Я надеюсь, он никогда не узнает, какой властью надо мной они обладают. Я смотрю на них, молюсь, а сама утопаю. Я утонула месяц в одной реальности,

но в другой прикоснулась к Олимпу. Да что там, к солнцу. Надеялась ли я, что поеду с ним в Голландию и Штаты, что в Провансе может быть уютный домик прямо посреди озера и совсем рядом может простираться поле? Терпкий эфирный запах я чувствовала, сидя у окна, удивляясь, как сильно он доносится с полей, а оказалось, это он стоял возле меня с букетом. Я обнимала его и ставила цветы в полосатую вазу. Сине-белый так подходил к лаванде и всему нашему дому. Он всегда был рядом, только он. Больше я не видела людей, мы всегда были одни в огромном пространстве. Я подумала, а может о счастье никто и не знает? Может я первая исполнила эту вечную мечту влюбленных? Ходить по земле, как когда-то Адам и Ева, без забот, без взглядов, без осуждений. Любить вечно и не знать часов в своей реальности. Она под моим контролем полностью, и секунда станет вечностью, если он не будет сводить с меня взгляда. Я стану камнем, вечным памятником, и в одной из бесконечных Вселенных остановится Солнце, замрут все планеты с названиями из чисел. Появятся новые, и в каждой из них мой шаг ознаменует новый, везде разный день. В каждом из них я буду счастлива, потому что в конце я снова встречу с ним в одной из новых прекрасных реальностей.

То, что ты так отчаянно хотел, всегда получаешь в последний момент, когда уже не нужно, и всегда это лишь разоча-

рования.

-Привет.

Его голос. Он наяву. Я только подняла голову, а он уже прошел мимо. Уже скрылся от меня, лишь проронив это жалкое слово. И все что я могу, это смотреть ему в спину, на те красные шорты, что я искала в мае. На медовые волосы и затылок, прикоснуться к которым я не могу. Не имею права.

Где-то у пруда играет "Young and Beautiful". Под эту песню мне сквозило вечерами сердце. Чем ближе припев, тем ближе край пропасти. Отчаяние растет с каждой нотой, и я тону в холодном омуте. Мы молоды и прекрасны, и вместе с нами стареет наша боль. Годы идут, и я знаю, однажды она станет нашей частью. Перестанет разъедать и станет оттенком глаз, загадкой для каждого прохожего.

Словно подслушав мысли, ветер приводит в движение реальность. Уносит и музыку, и листья, мысли. Из кармана вылетает клочок бумаги и летит к берегу. Странно, в куртке ведь ничего не было. А ветер уносит ее к берегу все быстрее, заставляя бежать. Налету я отслеживаю этот белый квадратик, пытаюсь угадать траекторию его полета. А он все ближе к воде. Приходится заходить в нее, мочить кроссовки и брюки. Наконец я ловлю фотографию. Набережная, мы с ним, день, когда мы могли быть вместе и подпись снизу: "Не в

этой, так в другой реальности".